

Акимов, В. Уроки и «секреты» Владимира Богомолова [Текст] : [фрагмент статьи о романе «Момент истины»] / В. Акимов // Ради жизни на земле : литературно-критический сборник / сост. В. Лавров, А. Пикач. – Л.: Худож. лит., 1986. – С. 68-81.

...Наиболее убедительно и глубоко эти мысли развернуты в замечательном богомоловском романе «Момент истины (В августе сорок четвертого)».

Роман этот о людях, чьей профессией является борьба с вражеской агентурой, чей труд, кровавый и опасный, связан с насилием, борьбой, тайной. Роман по многим адресам полемический. Евгений Таманцев, профессионал высокого класса, «чистильщик» и «скорохват», с иронией и раздражением думает: «Контрразведка — это не загадочные красотки, рестораны, джаз и всезнающие фраера, как показывают в фильмах и романах. Военная контрразведка — это огромная тяжелая работа... четвертый год пятнадцать — восемнадцать часов каждые сутки... Огромная соленая работа и кровь... Только за последние месяцы погибли десятки отличнейших чистильщиков, а вот в ресторане я за всю войну ни разу не был... Условия и работка у нас такие, что любой бывалый шерлок, даже из столичной уголовки, от отчаяния повесился бы на первом же суку».

Что ж, видимо, Таманцевы были бы удовлетворены, попадись им в руки роман «Момент истины». По крайней мере у профессионалов, внимательно изучавших роман, замечаний по их компетенции не было. Именно такой — огромной, соленой от крови и пота — и показана там их профессия. Но, в конце концов, роман — это литература, а не руководство для «чистильщиков». И как во всяком крупном произведении, в романе Богомолова есть своя тайна, которую нужно раскрывать нам самим. Его стоит читать с той же пристальностью, с тем же вниманием, сопоставляя и думая, с какими ведут свое дело такие герои Богомолова, как Алехин и Поляков. Когда читаешь роман в первый раз, чувствуешь, как неудержимо втягивает в себя «приключенческий сюжет» — история розыска вражеской агентуры. Круги этого сюжета расходятся все шире, захватывая все уровни войны, вплоть до Ставки Верховного Главнокомандования, стягиваясь в обратном направлении, кольца сюжета заставляют все напряженнее действовать троих розыскников, группу капитана Алехина.

Но когда сильнейшее эмоциональное возбуждение, вызванное не только сюжетом, но и ошеломляющей информацией, успокаивается и получаешь возможность взглянуть окрест и в глубь этой «приключенческой» истории, перед тобою встают второй и третий планы романа, та глубина жизни, без которой не понять, ради чего же расходились и сжимались сюжетные круги, глубина, без которой вообще не бывает настоящего искусства.

Вот, например, возьмем сюжетное ответвление, которое Таманцев выразительно называет «пустышку тянем»; действительно, каким бесплодным, не давшим столь необходимого всем — от Ставки до генерала Егорова — «результата», но отнявшим страшно много напряженного времени было «выяснение» капитана Николаева и лейтенанта Сенцова! Но как много значит эта побочная история в концепции романа, в исследовании жизни и человека! Здесь не только полемика с «сюжетным» детективом, где все рассчитано ради эффекта и все герои — марионетки, лишённые самодвижения. И суть даже не в том, что всякое реальное дело, «задача» требует перебора вариантов, что невод розыска должен быть закинут широко. История Николаева и Сенцова для «результата» — «пустышка», но в романе с этим сюжетным ответвлением связаны судьбы шофера Борискина, желчного Свирида, смертельно испуганного Окулича, пожилой пани Гролинской, Юлии Антонюк... А как вплотную приближается к фронту тыл со своими проблемами, в письме матери Андрею Блинову, в письме из Заволжья, которое получает Алехин!..

Все эти главки и отступления, явно мешающие «делу», придают роману человеческую глубину. Из этой почвы в романе вырастает очень многое. Зная все о своих героях-розыскниках, с каким вместе с тем открытым удовольствием рисует Богомолов *просто армию*, живых и сильных, простых и смелых людей, которым не к чему таиться, «секретить». Вроде бы мимоходом написана сцена на станции, куда Таманцева и Блинова привела слежка за Николаевым и Сенцовым, а без нее, полной движения, разных и выразительно написанных людей, без лихой пляски, без толчеи и гама, без стволов зенитных орудий, вытянувшихся над эшелонами, «как руки, прикрывающие от удара с воздуха», без вздоха о том, что вся эта яростная и живая лавина людей и техники «двигалась к фронту, навстречу тяжелым и для многих последним боям...» — без всего этого в романе не хватало бы насыщенного энергией воздуха самой жизни.

А какой всплеск радостного, братского чувства — встреча на тех же страницах Андрея Блинова со своими однополчанами! Это одно из лучших мест романа.

На периферии «розыска», но задевая притом самый глубокий нравственный нерв романа, проходят перед нами разные судьбы. Вот председельсовета Васюков. Одинокий, с сыном-калекой на руках, сам калека, с открытой раной, он советская власть в только что освобожденной деревне, никуда не бежит от своего дела, хотя и знает, какой смертельно опасный пост занимает («Да я здесь как на посту... Партийный я — живым не дамся!»). Он появляется на самых первых страницах романа как образец настоящего человека. А затем пожилая, хрупкая пани Гролинская, на которую жизнь обрушила столько несчастий. Ее мужество и стойкость вызывают уважение

Алехина. Совершенно раздавленный страхом и приспособленчеством Окулич. Еще одна трагическая «фоновая» фигура — старик портной, у которого убили жену, детей, внука, «лохматый старикашка с его невероятным местечковым акцентом».

Это один, необходимый слой романной структуры, вбирающий в себя то, что розыскники называют на своем профессиональном языке «фактором человечности»: быт, человеческие судьбы, повседневность жизни.

Второй слой — это сюжет необычайно выразительных «документов». Их роль в романе огромна. Неслучайно через руки писателя прошли, как уже говорилось, многие тысячи подобных документов. Документ вносит широту кругозора, насыщенность информацией, твердость и однозначность предписаний и оценок. В документе жизнь отжимается, процеживается, концентрируется и конструируется под определенным углом зрения, для которого, например, «фактор человечности» не более как одно из многих слагаемых. В то же время документ, как мы видим, очень сильно воздействует на весь ход событий. Он влиятелен потому, что в него вкладывается вся мощь государства, его готовят такие крупные люди, как Поляков и Егоров, в него несут свою, потом и кровью добытую, информацию такие, как Алехин и Таманцев. Документ в романе — громадная сила, сгусток воли, знания, фактов. Он не исчерпывает жизнь и не способен сделать это, но дает ей стержень, схематизирует под избранным углом зрения ее восприятие и оценку, стремясь облегчить действия людей в сложных обстоятельствах, снимая с них личную ответственность за все, кроме «результата», порою просто отсекая все, что не ведет к цели, не относится к «делу».

Два эти сюжета — личные судьбы людей и сюжет «документов» — текут вроде бы независимо друг от друга, но сопоставление, накладывание этих сюжетов создает впечатление громадной и суровой сложности жизни, жестоких законов ее борьбы, давая почувствовать, какой небывало тяжкий груз личной ответственности, личного выбора и поступка все равно ложится на плечи и на душу каждого человека.

При появлении романа этот драматический «стык» жизни и документа не мог, конечно, не быть замеченным. И все же в полной мере оценен и понят он был немногими.

На первый план был выдвинут иной, действительно ошеломивший читателей и критиков своей новизной сюжет — блестящая профессиональная работа «розыскников», мастерство исполнения ими своего «дела». На этом основании критики писали даже, что о «Моменте истины» можно говорить как о своеобразном «производственном романе», ибо автору удалось «передать профессиональный аспект тех «типических обстоятельств», в которых надлежало действовать его героям». Главный пафос книги в том,

писал другой критик, что «перед нами художественные картины повседневной тяжелой и опасной работы контрразведчиков. Перед нами трудяги в полном смысле слова».

Л. Аннинский пошел много дальше, утверждая, что вообще «лейтмотив системы нравственных оценок у Богомолова — компетентность... Профессиональность, квалификация, функциональное соответствие делу. Это — главный, иногда единственный аспект в оценке человека... Богомолов, — пишет критик, — не знает, не признает, не принимает такого фундаментального для нашей духовной традиции понятия, как «хороший человек». Он знает только работника на своем месте».

Десять лет назад, когда критики со всех сторон обсуждали богомоловский роман, такой подход, возможно, и не казался странным. Одной из актуальных проблем литературной жизни было тогда формирование нового типа «производственной» прозы. В самом деле, разве не о том, как оптимально решить выдвинутую обстоятельствами «производственную» проблему, думают в «Моменте истины» «профессионалы» из Управления контрразведки фронта?

Думается, если и можно считать роман В. Богомолова, так сказать, репликой в злободневной литературной ситуации (приходит новый герой, деловой, профессиональный человек, компетентно берется за работу и ставит ее должным образом и т. д.), то все же «Момент истины» — это, скорее, реплика предостережения: не всякий профессионализм хорош. Берегитесь профессионализма, из которого ушло духовное содержание!

Можно ли говорить, что Богомолов «не знает, не признает» такого понятия, как «хороший человек»? Действительно ли он «знает только работника на своем месте»? Эти формулировки допустимы лишь при условии, если «работа» и «место» наполнены ясным нравственным содержанием, насыщены идеей «добра», то есть включены в нашу духовную традицию.

Если же отнять у «профессионализма» и «квалификации», *это* содержание, то получится... Мищенко! Вот у кого высший профессионализм, безупречная компетентность и одновременно абсолютная бездуховность, полная и страшная своей законченностью бесчеловечность. Что же остается от всех критических построений, если испытать их *этим* «профессионализмом»?!

Не «самоукрощение человеческого в профессионале — лейтмотив богомоловской прозы», как пишет Л. Аннинский, а резкое и тревожное осознание смертельной опасности такого «самоукрощения» — вот что главное в романе.

Нет, ни от каких обязательств быть «хорошим человеком» не освобожден ни один из героев Богомолова, каким бы соблазнительным это кое-кому из них ни казалось! Именно этот угол зрения был и остается главным и всеохватывающим в романе, во

всей прозе Владимира Богомолова, поэтому к определенному типу «производственного романа», к счастью, она непосредственного отношения не имеет. Объективно это, скорее, полемика с упрощениями и иллюзиями, с облегченными этическими ориентирами такой прозы. В этом плане историко-литературную роль романа нельзя не приветствовать.

В полной мере тяжесть духовных забот и ответственности настигает каждого в романе, и по-разному справляются (а порою и не очень справляются) с нею все персонажи, в том числе и герои «Момента истины»: Алехин, Таманцев, Блинов, Аникушин...

Они во всем разные. В розыске они принимают участие каждый по-своему. У них — у каждого — есть своя, порою полускрытая или едва заметная предыстория, но не нести ее с собой они не могут. В сущности, разве не объясняет очень многое в жестковатости Таманцева, в его недоверии к «прикомандированным», ко всем «непрофессионалам» то, что он безотцовщина. Натерпелся в детстве всякого, накопил горечи, а то и озлобился — были поводы. Вот и привык «надеяться только на себя». И профессия, данная ему войной, пришлось по судьбе и характеру.

А доброта, братские чувства, ощущение фронтовой спайки, тепло приязни к однополчанам у Блинова, да в немалой мере и у Аникушина, — разве не связано это между прочим и с тем, что их-то детство было счастливым, знающим тепло, свет, заботу?

Особое, однако, место у Алехина. Евгений Таманцев, вообще-то склонный к заносчивости и повышенной самооценке, в ответственный момент признает всяческое преимущество Алехина («Паша, ты — гений»), понимает, что в сравнении с ним он всего лишь «скорохват». Порою он упрекает старшего группы в преувеличении «фактора человечности», но именно человечность Алехина, его умная и чуткая душа, а не только дисциплинированный и тонкий ум, делают его даже в профессиональном отношении результативнее. «Почему-то» случается все время так, что именно Алехин вроде бы отвлекается от «задачи» на людей: то разговаривая с Васюковым, то разбираясь в Свириде и Окуличе, то, выясняя свое, сталкивается с чужим горем в доме Гролинской (по своей человеческой сути это одна из сильнейших сцен романа). И тогда в роман входит сложное содержание жизни, не предусмотренное никаким «документом».

А как неловко ему бывает порою, как тяжело его душе чувствовать боль другого сердца. Алехин думает, наблюдая за Гролинской: «Так случается нередко. Сталкиваешься с чужой жизнью, с чужими страданиями, хочется как-то утешить, подбодрить и — совесть требует — оставить человека в покое. А ты вынужден тут же его потрошить, добывать необходимую тебе информацию. Проклятое занятие — хуже не придумаешь». За эту одну фразу, за одно это переживание, как говорится, сто грехов будут сняты с Алехина. Но

похоже, что грехов у него нет вовсе. Он понимает, даже с неприязнью отнесясь к Окуличу, драматизм его судьбы. По необходимости пользуясь «маской», он не испытывает от этого никакой радости. Отличие Алехина от Таманцева в том, что Алехин выполняет свою работу как труд необходимый, но нередко сложный в этическом отношении. Таманцев же слишком часто упоен этой работой: «Вообще-то ею, особенно паршами, я готов заниматься двадцать пять часов в сутки». И, конечно, неслучайно Алехин в романе не столько «дырявит» чужие головы, сколько подставляет свою. Драматична его собственная судьба. Чрезвычайно важны в романе страницы (снова те, что не имеют прямого отношения к розыску!) о том, как страдает Алехин от чувства беспомощности, узнав из письма, что по чьей-то казенной небрежности погибают результаты его многолетних мирных трудов селекционера, что тяжело жить в тылу его семье, что больна его дочка. И с нарастающим уважением и интересом думая о нем, мы видим, что это не сломило Алехина, что жизнь для него — это постоянное сопротивление стихиям, преодоление бед, к которому всегда нужно быть готовым. Нужно продолжать работу, делать все сызнова, после каждого удара судьбы снова и снова поднимаясь на ноги... Вне сомнения, именно в Алехине полнее всего выражены важные идеи романа, его нравственная философия.

Подлинной вершиной романа стал эпизод проверки документов, потребовавший огромного напряжения всех духовных и интеллектуальных сил Павла Алехина. На нескольких страницах проходит перед нами его внутренний монолог, пожалуй, совершенно небывалый в литературе. Это поток сложнейших ходов мысли, сопоставлений, анализа, отбора. За ним встает величайшее напряжение мыслительного процесса, процесса познания, позволяющего рассекречивать все «тайны», срывать все «маски». В этом деле одной прямоты и непосредственности мало. «Ему все ясно... Счастливеец!» — с горечью и сожалением думает Алехин об Аникушине. Ясность достигается великим трудом, опытом, вниманием, преодолевающим всякие *субъективные* помехи, то, например, ослепление неприязни, которое помешало Аникушину понять капитана Алехина так, как тот понимает Аникушина.

Вдумываясь в этот необычайный внутренний монолог, видишь, как много нужно современному человеку знать и уметь, как критично следует ему относиться к любой видимости! Какими крохами добывается истина! При всей профессиональной специфичности этого монолога в нем сильно и рельефно передана природа всякого серьезного мышления. Алехину открылся «момент истины», потому что он напряженно работал над «объектом», исследуя его со всех сторон. И это стало возможным еще и потому, что он не позволил себе отвлечься на «личное» (только один раз остро кольнуло его воспоминание о больной дочке — «ревматизм лижет суставы и кусает

сердце»).

Алехин в трудных и щепетильных отношениях с капитаном Аникушиным тоже был на высоте, и, пожалуй, нет никакой его вины, что у Аникушина не хватило ответного доверия. Впрочем, это, конечно, далеко не только вина Аникушина, тем более не только его личная вина.

Второй розыскник, знаменитый Таманцев, во многих отношениях выглядит все же куда эффектнее Алехина. Многих читателей он по праву приводит в восторг. Их можно понять: блеск профессионализма, мастерство, сила, хватка показаны в романе неоднократно и столь выразительно, что Таманцев во многом затмевает Алехина, а юный стажер Андрей Блинов не устает им восхищаться, хочет быть похожим на него, да и прикомандированные Фомченко и Лужнов смотрят на него «глазами девять на двенадцать». А чего стоят словечки Таманцева, целый калейдоскоп остроумных фразочек: «Как говорил товарищ Мечников, еда — самое интимное общение с окружающей средой», «...попробуй хоть одного взять не живым, да с тебя три шкуры снимут и в личное дело подошьют»!

Да, многое в Таманцеве не может не привлекать к нему, но думается, что отношение автора к своему герою сложнее.

Временами Таманцев уходит в свой «профессионализм», словно бы отгораживаясь от сложностей и противоречий жизни своим умением стрелять «по-македонски», «стреноживать», «потрошить», «качать маятник». Профессиональные перегрузки порою опасно искривляют его чувства, хотя по самой природе своей он расположен к добру и человечности. Мы видим, как, оказавшись в засаде вынужденным наблюдателем жизни Юлии Антонюк и ее маленькой дочки, он чувствует, как начинает колебаться что-то в его взглядах на жизнь и на людей. Может быть, он потому так неожиданно добро отнесся к бедной Юлии и ее дочке, что вспомнил свое не шибко радостное детство? «Девчонка...— думает он, глядя, как мается Юлия. — Сирота-недоумок. Мне ее даже стало жаль. Дура девка, сама себе жизнь покалечила». Затаившись, наблюдая трудную, забитую жизнь этой девочки-матери, здесь, а не в «огневых контактах» постигает по-настоящему жизнь «чистильщик» Евгений Таманцев. И когда он принимает близко к сердцу заботы и беды простых людей, а не стреноживает «паршей», он сам становится проще и человечней, созревая душевно. Хотелось бы, чтобы настоящую читательскую симпатию он вызвал не только блеском своего профессионального умения и не шуточками, украшающими некоторые страницы романа, а и тем, что бывает способен чувствовать и переживать так, как и надлежит человеку.

Одна из самых сложных и во многом неразгаданная фигура романа — капитан Аникушин.

Помощнику коменданта капитану Аникушину в сравнении с

Таманцевым в читательском мнении, да и в критике, кажется совсем не повезло. Похоже, что некоторые из писавших о романе, особенно по первому впечатлению, не говоря уже о многих увлеченных розыскным сюжетом читателей, смотрели на него глазами Таманцева, который, как мы помним, в ожесточении и досаде крыл его от души своими колоритными словечками: «гусятина тыловая», «лопух злокачественный»!.. У одного из критиков даже вырвались слова: «сноб», «путается под ногами у работающих людей» и т. п. Эта крайность была оспорена и отвергнута, но все равно об Аникушине продолжали писать, что «он оказался нравственно незрелым», «страдает от схематизма собственной мысли» и т.п.

Возникает вопрос: может быть, Аникушин и вовсе не нужен в книге, ведь по справедливым словам Таманцева, любой «чистильщик» был бы в этих обстоятельствах во сто раз полезнее Аникушина? Да, для розыска по делу «Неман» он только помеха. Но для романа Аникушин сугубо необходим. Почти пятьдесят страниц последней — самой напряженной — трети романа связаны с ним. Он вдруг становится одним из важнейших персонажей книги. Ни о ком в романе не рассказано с такой полнотой и пристальностью, как об Аникушине. Ясно, что он нужен для выражения какой-то глубокой, настойчивой мысли романиста, может быть, одной из главных его идей.

«Таманцевский» способ восприятия Аникушина отклонить легко. Называя Аникушина «лопухом» и «тыловой гусятиной», Таманцев сам, говоря его словами, «лопухнулся». Аникушин — настоящий, заслуженный офицер-фронтовик, побывавший в жестоких, кровавых боях. По человеческим и боевым качествам капитан Аникушин — в других обстоятельствах — заслуживает наше самое полное уважение. Да и в трагически закончившейся для него схватке с вражескими агентами разве не вызывает он у нас, кроме досады или сожаления, еще и сострадание!?

Перечитывая эти страницы, «выясняя» Аникушина, мы все больше видим житейских резонов — и личных, и не только личных, по которым он может испытывать недоверие к Алехину и его товарищам, «особистам», как он их называет. У него вызывает глубокую антипатию то, что от него «секретят», ему не доверяют, по его убеждению, прячась за «специфику». Он ошибочно видит в них бездельников, невежд: «Для них законы не писаны, что хотят, то и делают. И все молчат, побаиваются». От него — солдата, привыкшего встречаться с врагом лицом к лицу в открытом бою, привыкшего к такой же открытости поступка и слова среди своих фронтовых товарищей, подчеркнуто скрыт смысл работы Алехина, Таманцева, Блинова. Все в их поведении поэтому перетолковывается Аникушиным в самом худом смысле — и наивные расспросы Андрея Блинова, и приветливость Алехина («особист без какого-либо заднего умысла не мог быть так приветлив и доброжелателен»).

Главное в работе розыскников ему не положено знать, и это мешает Аникушину почувствовать себя их товарищем.

Можно сказать поэтому, что «Момент истины» — в немалой мере роман о драме взаимонепонимания, драме взаимного недоверия людей, занятых общим делом. Эта драма имеет под собою почву не только в личных особенностях тех или иных людей. Можно говорить об исключительной ситуации, соединившей их и обусловившей неразрешимость их отношений. Одни из них, например, умный и тонкий Алехин, понимают и мучаются ею, а другие — тот же Таманцев — превращают в культ, видя в ней знак своего отличия и превосходства.

Нельзя не сочувствовать Аникушину, и все же есть его большая вина в том, что произошло на лесной поляне, во время встречи с группой Мищенко. Вспомним снова внутренний монолог Алехина. Как он устремлен к истине! А ведь рядом с ним течет и другой поток мыслей — в голове Аникушина. До чего же они различаются! Не только тем, что у Аникушина для открытия истины мало «информации», не хватает фактов, пропущены многие важные звенья. Хуже другое: его можно обвинить в нежелании искать истину; он полагает, что она ему ведома с самого начала. Там, где Алехин придирчиво, снова и снова перепроверяет себя, свои выводы, там Аникушин со все большим упоением слушает, увы, один только голос своих чувств. Чистый и честный, благородный и отважный Аникушин «ослеплен возмущением, негодованием и неприязнью к особистам...». Коварного, опытного врага он принимает за «собратьев, фронтовиков», маску принимает за лицо, а Алехина и других — чуть ли не за врагов. Возникает ситуация страшного, тяжкого, трагического заблуждения.

Мы имеем, думается, право сказать, что при всей прямоте, открытости, мужестве и других превосходных качествах Аникушина он оказался жертвой собственной прямолинейной предвзятости; более того, слишком он сосредоточен на себе, своем предназначении, слишком нервен, уязвим, индивидуалистичен, слишком не желает стать на место другого человека. Это мешает ему ориентироваться в сложных, неоднолинейных обстоятельствах, ему трудно дается перевод трагической «игровой» ситуации в финале романа на свой язык — прямой, откровенный, однозначный. В сцене с засадой он после нападения на Алехина несколько секунд — роковых для него секунд — не может включиться в событие, как этого требуют интересы ситуации. И не только потому, что он ошеломлен происходящим. «Ложись, комендатура, ложись!!!» — кричит Таманцев. Наверно, это было бы самым разумным. Но не такой человек Аникушин, чтобы уклоняться от боя, тем более прятаться за спину Таманцева. Через несколько секунд он падает, убитый наповал в перестрелке «профессионалов» — честь Аникушину дороже жизни. (Как в свое

время Андрею Болконскому на Бородинском поле — хотя рядом с ним упала граната, он тоже не лег, чтобы спасти жизнь: на него смотрели.)

Каждый из участников события переживает в финале романа свой «момент истины». Переживаем его и мы, читатели богомоловского романа. Роман этот не только о прошлом. Он во многом перекликается с нашим временем, помогает понять судьбу человека в нашем сложном, огромном, меняющемся мире. Как людям действовать эффективно, результативно, ни в чем не поступаясь «фактором человечности», ничего не теряя из высоких и вечных нравственных ценностей? Это один из главных вопросов романа.

И если уж мы коснулись высоких и вечных нравственных ценностей, их превращений в ходе времени, то стоит рассмотреть ситуацию: Аникушин — Алехин, Таманцев и другие также и в плане определенной духовной традиции. Такого подхода к роману в нашей критике пока еще не хватает. Она по большей части ограничивается житейски-психологическими или профессионально-военными трактовками конфликта. Например, Б. Галанов, совершенно справедливо подчеркивая, что Аникушин — «храбрый боевой офицер, с честью выдержавший самые тяжелые ратные испытания, привыкший к открытым схваткам», тут же утверждает, что «он оказался нравственно незрелым... за эту незрелость он и заплатил жизнью».

Можно ли оценку нравственной зрелости Аникушина ставить в зависимость от того, примет ли он действия «особистов» на веру или не примет?

Попробуем поставить маленький эксперимент: а если бы на месте Аникушина оказался бы кто-нибудь из героев классической русской литературы, ну, например, пушкинский Гринев или толстовский Болконский? Захотели бы они «понять» Алехина и Таманцева? Я говорю о *типе*, разумеется! Аникушин ведь отнюдь не одинок в нашей литературе — и классической, и советской. Его особенно интересно рассматривать в свете традиций большой русской прозы. В ряду ее героев мы встретим немало духовных предшественников капитана из комендатуры. Аникушин — подлинно героический мужской характер, выкованный мастерами русской батальной прозы от Пушкина до Л. Толстого. Утверждавшиеся ими идеи мужества, несгибаемости, чести, достоинства, воинского братства по праву унаследовала Советская Армия.

Типологическое сходство не ограничивается лишь классической батальной прозой, оно уходит в глубины той почвы, на которой возникла вся русская классика, в том числе и советская. Тут можно обратиться и к опыту классического советского романа — возьмем, например, Григория Мелехова, Ивана Вихрова, Михаила Пряслина... Как бы они повели себя в подобной ситуации, как ее интерпретировали бы? Мне кажется, в главном — подобно Аникушину. Любой из них разделит бы полностью правило, которому следует

Аникушин: «никогда не быть попкой, бездумным исполнителем, а поступать в сложных ситуациях так, как ему подсказывает его совесть и его убеждения».

Мы вправе рассматривать поэтому капитана Аникушина отнюдь не только как конкретную личность, персонажа богомоловского романа, а как литературного героя, характерного для главной линии русской литературы, выношенного всем ее духовным опытом. В этом герое с поразительной силой выражена та однозначность и цельность нравственного поведения, которая в свое время была великим завоеванием русского классического гуманизма.

Дело, следовательно, не в том, что Аникушин не умеет или не хочет «по-человечески» понять Алехина или Таманцева. Тут житейские психологизированные укоры не слишком уместны и мало что объясняют в событиях богомоловского художественного мира, в его духовных координатах.

Аникушинское «непонимание» в этих эпизодах заострено и подчеркнуто. Не людей он не понимает, а иной *тип* поведения. Он понимает и принимает нравственно открытое поведение, одобренное традицией (неслучайны, например, его ссылки на опыт отца и его уроки), но напрочь отвергает поведение не прямое, скрытое под маской, которое для него не может быть ничем иным, как однозначно безнравственным. Понимать такое поведение он не может и не хочет принципиально, будет сопротивляться ему всеми доступными ему средствами. Снова подчеркну: «не понимает» Аникушин не людей (он просто-напросто не знает ни Таманцева, ни Алехина, ни Блинова). Он «не понимает» определенные роли и функции, не принимает определенный тип «компетентности».

Критик С. Филюшкина считает бедой Аникушина то, что «он не смог возвыситься над самим собой... не захотел поверить в возможность иной, скрытой от него правды и во имя этой правды отказаться от собственных мерок и представлений». Возможно, возможно! Но, думается, это обвинение будет снято, если рассматривать ситуацию не индивидуально-психологически, а культурно-исторически. Ибо ситуация эта трагедийна: за делами и мнениями Аникушина стоят не одни только его личные добродетели (пусть они и кажутся нам ограниченными), а целая духовная традиция, наследующая то нравственно высокое и цельное, что было создано отечественной культурой в течение предшествующих веков; за Аникушиным — пафос правды и достоинства, той духовной ответственности, которая не позволяет человеку быть инструментом «чужой воли, чужого, более глубокого решения», как спокойно и невозмутимо пишет критик. В плане духовно-культурной эволюции тот тип поведения, который рекомендуется порою Аникушину, есть глубокое отступление, духовный регресс.

А ведь богомоловский роман — *об умении отыскивать истину,*

не теряя, а углубляя человеческие ценности. Здесь видит Богомолов назначение человека, его цель и высшее достоинство.

Но как же быть, если путь Аникушина оказывается «заблокированным»?

Видимо, ни от чего не отказываясь в великих духовных завоеваниях отечественной культуры, нужно совершенствовать и обогащать тот человеческий тип, который ею создан. Кризис «героической личности» традиционного образца, классического гуманиста, развернутый в судьбе Игоря Аникушина, не может быть безысходным и неразрешимым. Поэтому с такой надеждой мы оборачиваемся к другому богомоловскому герою, в поведении которого так много обнадеживающего. Павел Алехин — вот воплощение того, все более необходимого современности, типа человеческого поведения, в котором писатель намечает выход из открытой ситуации.

Уроки Павла Алехина учат многому.

Размышляя над прозой Владимира Богомолова, над его романом, мы все более отчетливо понимаем, какие проблемы нового, более глубокого отношения к жизни, анализа ее самых сложных и запутанных обстоятельств встают перед современной литературой (и перед современным человеком); какая необходима гибкая способность ориентироваться в себе и «окрест себя» — в мире, переживающем сложный и крутой поворот в своих судьбах, какие для этого нужны огромные усилия души и мысли, усилия, к которым следует быть всегда готовым.

Вот, думается, к какой истине, сохраняющей напряженную актуальность и в наше время, ведет своего читателя Владимир Богомолов в романе, рассказывающем о событиях такого далекого от нас августа сорок четвертого года.